

В область, сотканную из зеленого, оно существует на самом деле. На диких пустошах вечно рождаются теснящиеся грядой бури; они движутся сплоченным строем в определенном направлении, и каждые десять ярдов самая слабая буря начинает угасать, после чего посреди крупнейшего вихря возникают обрывочные звуки и расходящиеся в стороны тонкие металлические крылья. Казалось, оно не имеет физического объема: некогда самоубийцы преграждали путь бурям, и медленно раскрывавшиеся тонкие крылья пролетали сквозь их тела. И не только сквозь них — сквозь тело торговца бакалеей, игрока, проститутки и пастора. Все они позволяли буре пройти сквозь себя, после чего демонстрировали странное поведение: внезапно они в совершенстве овладевали экономикой, социологией, философией и множеством других дисциплин, одновременно достигая больших успехов в искусстве, спорте и литературе. Обретя эти знания, они до безумия начинали поклоняться буре, становясь ее адептами. Это оставляло странное ощущение — словно внутри бури и впрямь таилась истинная мудрость.

— Из Парящего тумана

Она падала вниз, с грохотом врезаясь в металлический пол церкви.

Лицо Найфсоис было напряжено. Бесконечная буря бушевала на ее испытательном полигоне, грохоча в пространстве подобно грозовому шторму; подобный удар ни за что не смог бы произвести обычный человек — по меньшей мере это должно было быть создание из легенд, способное деформировать металл колоссальной прочности.

Кубик Рубика, висевший на мочке уха вторым ярусом, она также пустила в ход для созидания: два средне- и ближнедистанционных малокалиберных ствола закрепились на инженерных перчатках. Теперь ее созидательные материалы были полностью исчерпаны, а облегающие брюки и кофта словно подверглись причудливому крою прилива, обнажая ее соблазнительные изгибы. Будучи человеком, мнящим себя научным сотрудником, Найфсоис всегда и во всем должна была поддерживать подобающий статус: необходимый ей металл сжимался в украшения или элементы одежды, чтобы в нужный момент его можно было легко призывать из ниоткуда. По этой причине ее битвы всегда претерпевали метаморфозу: начав в консервативном облике женской версии агента 007 ***-сектантки, после созидания она перерождалась в обнаженную амазонку.

Желтая буря кромсала поле зрения на мелкие осколки, а взметнувшиеся куски металла разлетались от порывов ветра, оглашая механическую церковь звонким металлическим студом.

Найфсоис слышала собственное тяжелое дыхание. Она все еще гадала о подлинной личности этой незваной гостьи из заповедья; люди вообще странны — чем меньше ответов удастся получить, тем сильнее хочется изломать голову в их поиске, иначе покоя не будет до конца дней.

Она не верила байкам высшей знати, попивающей кофе в уютных кабинетах, — точно так же, как никогда не стоит верить сюрприз-лутбоксам за шесть юаней шестьдесят девять фэней в лавках Блейфлора, ведь ты никогда не знаешь, что именно они туда засунули: приятный сюрприз или жуткий испуг.

Сейчас... дело обстояло точно так же.

Пыль рассеялась. Фигура в эпицентре бури медленно поднялась на ноги. Темно-золотые волны струились по ее телу, незаметно блуждая в тесном пространстве; скрываемая прежде аура непрерывно уплотнялась, и заключенная в ней колоссальная энергия заставила Найфсоис резко оцепенеть от холода.

— Она все еще жива, продолжить зачистку объекта.

Найфсоис выбросила вперед обе руки, прицелившись в врага в сердце бури перчатками-пушками по имени Геракл-Звездоубийца. Две крупнокалиберные пули со свистом выкрутились из стволов и с пронзительным воем ринулись прямо в стихийную стихию.

Ее руки согнулись в локтях, одновременно перезаряжая оружие и гася отдачу. И хотя мощь Геракла не уступала корабельным орудиям, в ее глазах они по-прежнему выглядели лишь двумя камешками, брошенными в водоворот, — они даже не издали звука, мгновенно поглощенные бушующей волной.

— Черт побери! Кажется, она использует твою бурю в качестве щита! — сквозь зубы процедила Найфсоис и выпустила еще два снаряда, но те снова полетели как камешки в водоворот, только на этот раз чуть крупнее, хотя поднять хотя бы крошечную рябь им все равно не удалось.

— Сестричка Пафф... я слышу какой-то звук, — Лань Ду выглядела отрешенной, выдав эту фразу просто так, в качестве ответа.

— Какой еще звук... Сосредоточься на том, что перед нами, Ройтихан! Еще раз!

Найфсоис внезапно отпрыгнула в сторону, противоположную воронке, и, услышав призыв к слаженным действиям, Ройтихан выскочила из ока бури, по прямой приближаясь к фигуре на земле.

— Это не шум ветра, я различаю его, Камаитачи подсказали мне ответ... Это ее голос! Она говорит! — резко рявкнула Лань Ду. Найфсоис издала неопределенный звук в ответ, а Ройтихан зависла в полшаге, глядя на Лань Ду.

Шепот, таившийся в Камаитачи, звучал на самом краю слуха Лань Ду, усиливаясь в ее голове до размеров навязчивого бреда. В нем не было ни капли эмоций, однако сквозь звуки пробивались нотки одиночества и глубокой тоски.

Буря затихла. Все звуки внутри механической церкви оказались отрезаны, остался лишь этот единственный голос. Найфсоис и Ройтихан тоже расслышали его, но этот шепот, едва коснувшись памяти, не поддавался описанию: бесконечная скорбь казалась одиноким скитанием в бескрайнем космосе, где стерлись время и пространство, и лишь одна-

единственная пустая сущность встречала этот вечный миг.

Из ее уст полилась архаичная, труднопонимаемая речь — утраченный язык, которого никогда не было в базе данных Ройтихан. В этот миг движения всех присутствующих были принудительно остановлены, любые другие звуки отступили на второй план, и единственным, что разделяло их, остался этот голос, раскалывающий сердца.

Желтая буря, преграждавшая путь Найфсоис, была рассечена надвое, словно тончайший лист бумаги. Древнее заклинание вливалось в ее уши подобно прорвавшей плотину воде. Смысла она не понимала, но по обрывкам фраз отчетливо видела стремительно вздымающуюся силу и собственное оцепенелое тело.

Золотые зрачки запечатлелись в их душах. Подобно взошедшему на трон монарху, она взирала на всех с высоты своего величественного облика. Темно-золотые рога на шлеме были устремлены на эту бурю. Никто не знал, в какой момент появились эти рога, и никто не ведал, когда именно она миновала бурю и оказалась в самом центре церкви.

Она продолжала напевать то таинственное заклятье — заклятье, смысл которого не был доступен никому.

Буря закрутилась с неуправляемой скоростью, распадаясь на фрагменты вроде кусочков пазла. Очертания ее тела начали меняться: на распухших узловатых мускулах проступил слой пуха, черная воронья голова ощерилась волчьими клыками, а туловище толщиной с гигантского питона обзавелось искривленным позвоночником, из которого расходились две костяные крылатые ветви, покрытые перепонками. Руки, сжимавшие оружие, эволюционировали в хищные когти тигра и льва. Это была безудержная фантазмагория: волк, ворон, гигантский питон, лев, великан, дракон... млекопитающие, пресмыкающиеся, яйцекладущие... Самый безумный художник смешал воедино существ, существовавших и не существовавших в этом мире, создав при помощи своей безумной, исступленной фантазии картину омерзительного, до предела жуткого монстра.

Каким же чудовищем она в конце концов являлась? В голове Найфсоис крутился лишь этот единственный вопрос. Она продолжала идти вперед, а буря за ее спиной стиралась в порошок, безумным потоком устремляясь к ее телу. Заклинание на ее губах звучало как предсмертная молитва, обращающая стихию в рабство, дабы та похоронила их.

Наконец чтение заклинания оборвалось, и наступающий монстр решительно остановился. Ее ровное дыхание словно заставляло дышать весь мир в унисон. В одно мгновение облик чудовища обратился в человеческий, и она уставилась на них парой самых обыкновенных человеческих глаз.

Ничего хорошего это не сулило. Найфсоис на секунду замерла, а затем услышала над головой пронзительный клекот. Не только она — и Лань Ду, и Ройтихан одновременно подняли глаза на ворона, что беззаботно кружил в буре. Но разве то был ворон? Вовсе нет, это был явственный вестник их смерти.

Жаркое пламя раскалило воздух церкви, багровые вихри поднялись из-под ног чудовища, и новая рожденная сила обрушилась на них. Найфсоис вскинула руки, намереваясь прикончить врага до того, как огонь обретет форму, но в воздухе словно материализовалась пара невидимых тисков, намертво сжавших ее, а у самого уха прозвучало тихое предостережение:

— Шаг вперед означает смерть.

Это был божественный указ — указ, властвовавший над всем живым в пределах этой области.

Лань Ду казалось, что она смотрит немой спектакль: угасающая буря, трансформирующееся чудовище, закручивающееся пламя... Что будет следующим? Она даже испытывала некоторое предвкушение, и череда странных мыслей вихрем проносилась в ее голове, но стоило ей попытаться поделиться этими странными идеями с сестричкой Пафф и сестричкой Медузой, как в ответ прилетали лишь всё более и более суровые указания. Хотя она и была эксцентричной, глупой она не являлась — осторожность и ледяной тон в словах спутниц давали понять, что сейчас вовсе не время для безрассудств, иначе любопытство сожрет ее заживо, как заправский монстр.

Туфельки Найфсоис на шпильках гулко стукнули о пол. Больше нельзя было колебаться: любые оковы мышления приносили лишь мучительную, подобную медленной казни боль, и это она усвоила уже давно.

Геракл-Звездодубийца под ее управлением перестроился в форму частиц, вырвался из оков пустого пространства и, неотступно следуя за ее движениями, подался назад. Вглядываясь в те золотые глаза, Найфсоис ощущала всю тяжесть возложенной на нее ответственности.

Мягкая желтая сеть пробила вихрь, выслеживая застывшего монстра, и эффект Жалящего Яда активировался мгновенно: парализующий нервную систему токсин не только замедлял движения противника, но и снижал разрушительную мощь его атак. Ройтихан связала себя и чудовище единой сетью; видимые лучи света перекинулись через мягкие ячейки, и она надеялась таким образом выиграть время для подготовки атаки Найфсоис. Но, увы, все вышло иначе: пламя вихря лизнуло сеть, и та вмиг обуглилась, словно пережженная шерстяная нить — те чувствительные нервные волокна, что не должны были порваться ни при каких обстоятельствах, пали в огне.

Дело было вовсе не в пламени! — заключила Найфсоис. Подобные природные свойства не могли нанести реального вреда осязательным нервам Ройтихан; хотя визуально казалось, что пламя просто опалило сеть, на деле все обстояло куда сложнее. Она прекрасно знала способности своих коллег и методы противника — эта способность к «угасанию» исходила из чего-то иного... например, из того самого заклинания!

Загадочное архаичное заклятье зазвучало вновь, и нервы всех присутствующих натянулись до предела.

На сей раз чтение не обошлось парой коротких фраз, как в прошлый — пламя взбесилось, и

свирепый ветер раздул его до размеров огненного гиганта!

Найфсоис перехватила непонимающий взгляд Лань Ду. Та изо всех сил пыталась доказать свою невиновность, и первая прекрасно понимала: этот шквальный ветер породило то самое заклинание, многосложное заклинание.

Яростный ветер обратился ураганом, нанося острые, как лезвия, удары. Серебристая вспышка полоснула свод церкви, пробив в нем брешь, и падающие обломки металла даже не успели толком оформиться, как были перехвачены на лету. Воспользовавшись моментом, пламя взметнулось вверх, сливаясь с серебристым сиянием клинков в мощный огненный столб, устремленный к куполу, откуда на них глядел воплощенный силуэт демона.

С демонического силуэта, сотканного из огня и урагана, сорвалась издевательская усмешка. И сквозь эту улыбку они вновь слышали кошмарное заклятие.

Пурпурные электрические дуги заплясали на кончиках пальцев. Очередное новое заклинание! А монстр продолжал меняться: его очертания прямо на глазах обратились гигантским питоном, с чьих клыков капала вязкая жидкость, издавая леденящее душу шипение. Молнии и слизь точно так же облепили демонический силуэт, являя миру второе шедевральное творение безумного художника!

Заклинание читалось — рождалась стихия. Заклинание читалось — рождалась стихия... Этот бесконечный цикл терзал нервы всех без исключения.

Она словно пресловутый алхимик хвасталась новообретенными способностями, не задумываясь о последствиях и в истеричном порыве призывая абсолютное большинство стихий лишь за тем, чтобы состряпать нечто невообразимое ради удовлетворения собственного тщеславия. И эти силы, казалось, сами были не против такого применения: они скалили демонические физиономии, леденя кровь, просто ради того, чтобы развлечься — впервые за всё недолгое время с момента своего рождения.

Десять... двадцать... В конце концов Найфсоис уже и сама сбилась со счета, сколько именно заклинаний та произнесла. Она видела лишь издали, как та, подобно владыке, испускает вопль, достигающий самых глубин душ в пределах своей области. А эти разнообразные, пестрые стихии служили ей верными подданными, готовыми пожертвовать всем ради единого приказа монарха.

— ...Все вы мятежники, примите же... кару!

Тело монстра продолжало меняться, и сорвавшееся с губ человеческое слово доказало, что она все еще остается человеком, однако невнятный голос выдавал, что говорила она уже давным-давно.

Кара исходила из ее длинного копья... или, скорее, дротика. Она метнула его, словно копье, и

темно-золотой росчерк света, несомый неопишуемой энергией, прорвал стихийную бурю, устремляясь прямо на Найфсоис.

От ауры этого копья, преодолевшего реку времени, веяло таким леденящим холодом, казалось, будто она швырнула не просто оружие, а саму свою монаршую власть вместе с нагромождением гибридных тел монстров. Золотой наконечник сверкал холодным лезвием, и чудовище ринулось следом.

Самым прямым ощущением от пребывания внутри этой области для Найфсоис стал ментальный шок. Ее тело оцепенело, разум кричал, что уклонение равнозначно смерти, но намертво пригвоздившая ее тяжесть пробуждала инстинкты, запрятанные в глубинах души, шаг за шагом толкая к гибели.

Смерть пронеслась рядом, обдав ее леденящим холодом. Найфсоис тяжело задыхалась; пространство, в котором она только что находилась, казалось теперь жуткой, ледяной преисподней.

Стоило копьём нацелиться на нее, как ее тело словно сковали путы, лишив всякой возможности двигаться, но вздыбленный металлический пол внутри области Механической церкви спас ей жизнь — управлять пространством оказалось куда проще, чем собственным онемевшим телом.

Все еще не закончилось: свист в ушах снова нарастал. Словно истинный приговор суда, копьё со свистом пронеслось мимо точки, где она стояла, и, развернувшись в воздухе, вновь прямо устремилось к ней.

Запах оставленной на теле метки улавливало лишь само копьё — то был манящий плод, пропитанный грехом, жаждущий встретить правосудие высшей власти.

Зрачки Найфсоис расширились, когда Геракл обрушил на землю заряженные залпы. Импульс отбросил ее назад, а в послушном, как руки и ноги, пространстве области бесчисленные вертикальные стены выросли преградой между грехом и правосудием. Спотыкаясь, она пыталась вырваться из зоны поражения, но вдруг поняла, что все её попытки тщетны. Копьё насквозь пронизало все воздвигнутые стены, сокрушая всё на своем пути с неумолимой мощью палача.

Ее длинные волосы взметнулись, и на обнаженной спине вспыхнул зловещим блеском густой узор татуировки. Когда копьё приблизилось вплотную, оно сотрясло всю Механическую церковь до основания.

Эхо металлического звона не умолкало ни на секунду. С самого купола церкви водопадом хлынули полосы темно-синего свечения, которые, растекаясь по стенам, стекались к центру пола. Татуировка на спине Найфсоис и линии узоров внутри церкви перекликались, словно ключ, поворачивающийся в закрытой задвижке, открывая ценой собственных сил эту врата, сокрытые столь надолго.

Она по-прежнему свято хранила кодекс научного сотрудника — даже задействовав область, она делала это лишь ради защиты полигона от вмешательства. Но теперь все изменилось: преследовавший их злой дух выпустил на волю всю свою мощь, и бурно вскипевшая аура вместе с искаженными формами дали ей понять, что полумерами здесь уже не отделаться. Им требовалось нечто куда более ужасное. Оружие... способное убить бога.

Найфсоис знала, что стоящая перед ней женщина являлась тем самым «богом» — существом, порожденным или измененным в ходе научных экспериментов. Синие татуировки разрастались на спине, подобно дикой траве, складываясь в узор, напоминающий кубик Рубика. Собранное механической церковью сияние сгустилось за ее спиной в гигантский призрачный силуэт — холодный и величественный.

— Больше... нельзя тянуть, — с тяжелым вздохом произнесла Найфсоис, глядя на неумолимо приближающееся копье. — Миссия Научного полигона E01 прервана... Временные координаты маркированы уровнем секретности «секретно». Удалось ли разглядеть ее облик? —

Дождавшись утвердительного ответа от Ройтихан, она резко сменила тон: — Загрузите данные в терминалы всех научных сотрудников, передайте им... Бог прибыл.

Копье настигло ее в мгновение ока. Жуткий, уродливый наконецник, словно сошедший со фресок преисподней, вычерчивал дуги, вбирая в себя все мыслимые муки. Найфсоис сомкнула ладони и зажмурила глаза, прижав синие волосы к груди и обнажая татуировку на спине. Ее шаги не останавливались: сложенные ладони слегка раздвинулись и согнулись, образуя сферу перед грудью. Повинуясь ее воле, эфемерный синий куб за ее спиной опустошился изнутри и песчаным потоком ринулся вперед, плотным и густым слоем покрывая копье синей пленкой, после чего ее руки резко захлопнулись.

Глаза Найфсоис казались бездонным океаном; всякий, кто встречался с ней взглядом, тонул в этой синеве без надежды на спасение. И каждый погружавшийся в эти синие зрачки неизменно ощущал смертоносную угрозу, таящуюся в пучинах морских глубин.

Копье с глухим звуком, словно погружаясь в океан, исчезло в воздухе. Его место заняла гигантская синяя рука, сотканная из частиц.

Движение синих волос прекратилось, скрыв узор, пылавший на спине. Вздрыбленный грунт распался на мелкий песок, который тут же впитался в конструкцию руки, делая ее еще массивнее. Они казались не ведающими усталости: разлетевшись в воздухе на мириады частиц, они парили медленно, подобно синим светлячкам, чтобы в конце концов слиться в еще более грандиозный рой. Язык световых вспышек, казалось, повествовал о безумном, отчаянном процессе нового рождения, подчиненного лишь приказу пробудившегося «Властелина».

— Ройтихан, Лань Ду, высвободите механические звуковые письма! Столкнувшись с «богом», нам требуется чистая и молниеносная расправа. Этот день станет прорывом в самые недра ада — мне плевать, Иггдрасиль ли он, Такамагахара или греческий Олимп, в конце концов, для них найдется местечко под названием «ад». И раз эпоха, где существуют боги, — эпоха грязи и скверны, мы проложим путь великой эре. Ибо... мы — Пандора. Вперед, товарищи! Пиршество богоубийства начинается.

Рои синих светлячков то вспыхивали, то гасли. В глазах Найфсоис на созданной синей руке проступила трещина, и багровое пламя вырвалось наружу, подобно содержимому сорванной с петли крышки.

— Сестричка Пафф... это жутко смущает, — голос Лань Ду донесся из желтой мягкой сети.

— ...Сму... щает... —

Синие светлячки прекратили кружить, застыв в воздухе в ожидании приказа «Властелина». Синяя рука треснула; взрывы один за другим разнесли ее на части. Сквозь зияющие раны обнажились фаланги пальцев, которые, превращаясь в песок, обратились в хвосты световых потоков копья, устремившись в погоню в небесах.

Это было последнее расстояние до погружения в бездонный океан. Яростный рев ветра разорвал гладь спокойного моря, бурные воронки под напором свирепой бури тянули за собой путников по водной глади — то был ветер нового рожденья, неся в себе нежно-зеленый оттенок, но обладая скоростью, не уступающей буре, он заявлял о своей несокрушимой ярости.

— Раз так... значит, я могу подраться всерьез?

Голос Лань Ду прозвучал не в общей сети связи, а прямо над ухом. Солнечный, жизнерадостный и полный любопытства подростковый тон впервые показался Найфсоис столь близким и родным.

Копье чиркнуло по ее волосам, зеленые нити запутались в потоках ветра, обвившись вокруг наконечника и заставив его опуститься ниже. Десятикратный удар гравитационной бури сдержал наступательный порыв копья, а сплетенные потоки ветра образовали непреодолимую защитную сеть.

Синие светлячки заструились в воздухе, и мелкие металлические обломки сформировали за спиной Найфсоис увеличенную копию Геракла, который под гнетом гравитационной бури разрядил весь боекомплект.

Жаркое пламя пробило гравитационную бурю, обрушиваясь на неописуемое копьё; эволюционировавшая атмосфера отчаяния окружила рвавшуюся впереди Лань Ду, после чего обратилась чудовищной волной и, слившись с бурей, пролилась грандиознейшим ливнем.

Копье отступило, вспышки от столкновений погасли в ветрах. Бог ухватил копьё и, обратившись ревушим зверем, вцепился в новорожденную Лань Ду.

— Я как раз только что освоила одноручный стиль у сестрички Сакуры и Клинка — так что задам тебе трепку.

Встречные порывы ветра отбросили Лань Ду и Найфсоис друг от друга, а десятикратный гравитационный шторм рассеялся в небе, усеянном светлячками. На линии дуэли Лань Ду освободила свои механические звуковые письма: зеленый узор в области сердца скрылся под одеждой, и из вихря соткалось древко, целиком вырезанное из древесных корней. Один его конец венчало оплетение из тех же корней, оставляющее пустоту для зеленого шара — оно напоминало магический посох средневековой Европы, — в то время как на другом конце поблескивало бледно-зеленое рубящее лезвие, источавшее запах, родственник смерти. Диковинное сочетание магии, оружия и клинка наполнило Лань Ду новообретенной силой, а сама посох-пушка носил изысканное имя —

— Мерлин-Яман.

В этот миг левая рука Лань Ду была вытянута вперед, промежуток между большим и указательным пальцами упирался в один конец древка, а вся конструкция из корней шла параллельно ее руке. Правая рука, охватив грудь и обогнув подмышку, легла на конец клинка. Расставив ноги и слегка согнув колени, она резко подала корпус вниз, накапливая мощь для атаки. Насыщенные зеленые потоки заструились вокруг нее, начиная с магического шара на вершине посоха и змееподобно звеня вдоль лезвия. Опустив глаза и затаив дыхание, словно гладь воды, она смотрела на бога.

— Одноручный стиль иайдзюцу, Дымчатая буря горного хребта!

Словно в настоящем вестерне перед скрипучими деревянными дверями пыльного старого бара, знойный ветер сровнал невидимую линию дуэли между Лань Ду и монстром; перенеся долгое томительное напряжение, они наконец довели свои тела до пика формы и в определенный момент одновременно выхватили оружие!

Замедленная съемка, полная кинематографического очарования. Обе замерли на месте; копье и посох-пушка вычеркнули в воздухе идеальную дугу, после чего, словно возвращаясь в ножны после удара клинка, Лань Ду зеркально повторила движение — ее посох-пушка описал дугу слева направо, а стелющаяся по клинку дымка застыла перед глазами. Замедленный кадр сменился мертвой фиксацией кадра: ни звука, ни движения — лишь два дуэлянта с погруженными во тьму взглядами, застывшие с оружием наперевес.

— ...Лань Ду, чего ты ждешь? — этот внезапный окрик ворвался в мертвую тишину. Рои синих светлячков столпились за ее спиной, второй комплект Геракла был полностью готов. Она всматривалась в происходящее, не понимая, чего именно выжидает застывшая в оцепенении девчонка.

Звуки дыхания, движение воздуха, голос Мерлина-Ямана, потрескивание пламени... Лань Ду чувствовала это: звуки, хлынувшие в ее барабанные перепонки после освобождения механических звуковых писем, ластились к ней, словно преданный щенок. Обратная связь, не уступавшая или даже превосходившая Камаитачи, приводила ее в восторг, за которым следовало спокойное... любопытство. Это была первородная сила существ, именуемых «Искателями»: стремление к силе, стремление к истине, стремление к свободе и стремление к правде сплетались в единый двигатель, медленно сдирая кокон с самой сути и обнажая

ослепительно-зеленый минерал. Сокровища, скрытые под паутиноподобным коконом, представляли перед ней, и когда они были распечатаны, Лань Ду стала еще более жадной. Эта сила завораживала ее, но сущность Искателя толкала на дальнейшие поиски первородной субстанции, скрытой за этой мощью.

Она наконец уловила то самое дыхание, и мутная картинка разом прояснилась. Ее глаза ожили, а голос эхом пронесся по механической церкви:

— Жду попутного ветра!

<http://bllate.org/book/19201/1885555>